

Злая тачуха.

И день и ночь старуха ворчитъ, какъ у ней языкъ не заболитъ? а все на падчерицу: и не умна, и не статна! пойдеть и прійдетъ, станетъ и сядетъ— все не такъ, не впадетъ! съ утра до вечера какъ заведенныя гусли. Надобла мужу, и дѣвочку жалъ, хотъ со двора бѣги!

Запрегъ старикъ лошадей, затѣялъ въ городъ просо везти, а старуха кричитъ: «бери и падчерицу, вези хотъ въ темный лѣсъ, хотъ на путь на дорогу, только съ моей шеи долой!» Старикъ повезъ.

Дорога дальняя, трудная, все боръ да болото, гдѣ кинутъ дѣвочку? Видитъ: стоитъ избушка на курвихъ ножкахъ, пирогомъ подперта, блиномъ накрыта, стоитъ, перевертывается. Въ избушкѣ, подумалъ, лучше оставитъ дочъ, ссадилъ ее, далъ проса на кашу, ударилъ по лошади и укатилъ изъ виду. Осталась дѣвка одна; натолкла проса, наварила каши много, а ѣсть некому. Пришла ночь длинная, жуткая; спать—бока пролежишь, глядѣтъ— глаза проглядишь, слова молвитъ не съ кѣмъ, и скучно, и страшно! Стала она на порогъ, отворила дверь въ лѣсъ и зоветъ: «кто въ лѣсѣ, кто въ темномъ—приди ко мнѣ гостевать!» Лѣшій откликнулся, обернулся молодцомъ, новгородскимъ купцомъ, прибѣжалъ и подарочекъ принесъ. Нынче придетъ— поболтаетъ, завтра придетъ—гостинца принесетъ; повадился, наносилъ столько, что дѣвять некуда!

А старуха безъ падчерицы соскучилась, въ избѣ у ней стало тихо, на животъ тошно, языкъ пересохъ. «Ступай, мужъ, за падчерицей, со дна моря ее достань, изъ огня выхвати! я стара, я хила, за мной походитъ некому». Послушался мужъ; пріѣхала падчерица, да какъ раскрыла сундукъ, да развѣсила добро на веревочкѣ отъ избы до воротъ,—старуха было разинула ротъ, хотѣла по своему встрѣтитъ, а какъ добро увидѣла—губки сложила, гостью посадила и стала ее величать.

